

РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

ЭНЕРГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В.А. Маслова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский проспект, 33. Витебск, Белоруссия, 210038

В статье предпринимается попытка показать, что поэтическое слово обладает особой энергией, особой мистической силой. Поэтическое слово — это как бы спираль, вкручивающая в себя и ритм, и смысл, и особую музыку стиха.

Ключевые слова: поэтическое слово, энергия духа, суггестия, пассионарность.

Традиционно считается, что основными характеристиками поэтического слова является его триединство, которое предполагает взаимообусловленность звука, смысла и слова. Кроме слова, в ткани художественного текста нет ничего, поэтому именно слово делает текст таким, каким его видят читатели, именно в слове — особая тайна и красота поэзии. О специфике слова в художественном тексте писали В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, А.М. Пешковский, Д.Н. Шмелев, Л.В. Зубова, Н.Ф. Алефиренко и другие исследователи.

Ученые подчеркивали, что слово в художественном тексте благодаря особым условиям функционирования семантически преобразуется, включает в себя дополнительные смыслы, коннотации, ассоциации. Игра прямого и переносного значения порождает и эстетический, и экспрессивный эффекты художественного текста, делает этот текст образным и выразительным. Важное отличие поэтического слова состоит также в том, что оно вызывает к жизни целый сонм ассоциаций, как сказал И. Бродский: «поэзия есть, прежде всего, искусство ассоциаций, намеков, языковых и метафорических параллелей» [1. С. 32].

Отсюда следует, что специфической характеристикой художественного текста является его «семантическая осложненность», по терминологии Б.А. Ларина, полисеманτικότητα, метафоричность. Поэтому теоретической основой разработки феномена поэтического слова является дифференциация «ближайшего» и «дальнейшего» значений (А.А. Потебня), «прямого» и «поэтического» (Г.О. Ви-

нокур), «основного» и «бокового», (Б.М. Эйхенбаум), «номинативно-предетного» и «нового» (В.В. Виноградов, В.П. Григорьев, М. Гаспаров).

Эстетические и экспрессивные свойства поэтического слова определяются, с одной стороны, его свойствами как единицы лексической системы, с другой — специфическими законами художественного текста, где с помощью неожиданной лексической, синтаксической, стилистической сочетаемости возникают как тривиальные, так и необычные ассоциации, которые расширяют сферу восприятия текста, повышают его субъективную значимость. Л.В. Щерба и В.В. Виноградов заметили, насколько важна сочетаемость слов в тексте. Наблюдение над необычными соединениями слов, поиски механизмов этих явлений, попытка объяснить их причины позволяют выделить несколько общих закономерностей: во-первых, можно отметить такой механизм, в основе которого лежит явление синестезии: *серая нежность тумана* (М. Кузмин), *красный зов зари* (А. Блок), *трава шептала сонно зеленые слова* (Ф. Сологуб); во-вторых, механизм, основывающийся на феномене неожиданного, который был описан Р.О. Якобсоном: *рыбий жир фонарей* (О. Мандельштам), *платье мое белое заплакано вином* (Б. Ахмадулина); в-третьих, механизм, реализацией которого является антропоцентрический подход к миру: *Упругие, тугие мышцы ветра / натягивают кожу парусов* (В. Высоцкий), *очухавшиеся вышки* (В. Высоцкий), *сытый плакат* (Р. Рождественский), *бешеный пульс* (Б. Ахмадулина), *его пожирает открытый вулкан* (Б. Ахмадулина) и т.д.

В поэтическом тексте часто встречается игра слов: например, объединяются семантически далекие слова, становясь в конкретном тексте как бы родственными (заимствованное слово *махаон* у поэта Л. Мартынова «породнилось» с глаголом *махать*: *Черный, / Крыльями крылато машет. / Со всего размаха он*). Различные «непоэтические» столкновения омонимов, паронимов, символов рожают глубокие неповторимые строки с колоссальным подтекстом: *Но свою неправую правую / я не сменю на правую левую* (В. Высоцкий).

Итак, в слове (а в поэтическом особенно) — сложной и многоаспектной единице — «репрезентированы одновременно реальная действительность, мысль и язык» [б. С. 7]. Однако в этих исследованиях упускается из виду еще одна составляющая слова — его энергетический потенциал.

Если бы язык отражал только реальный или вымышленный мир, то не могли бы работать порождающие функции сознания. А мы знаем об энергии Вселенной, что только взаимодействуя с ней, можно обрести гармонию, что и достигается в поэзии. Поэтическое слово даже в прозе как бы говорит с Природой на ее языке: *Слова то шелестят, как трава, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как первый лед* (К. Паустовский). Поль Валери, вслед за Малербом, сравнивал прозу с маршем, а поэзию — с танцем: у марша есть цель, у танца ее нет, это совокупность действий, единственный смысл которых — в демонстрации самих себя (кроме ритуального танца), в возможности подключиться к энергии Вселенной.

Думается, что слово, особенно поэтическое, является носителем энергии, более того, оно есть знак высшей энергии. Еще Сергей Булгаков считал, что слово обладает не только смыслом, но и вместилищем энергии, ее проводником. Слово — метод концентрации энергии духа, как считал П.А. Флоренский, в нем за-

ложена необыкновенная суггестивная мощь (В. Черепанова). Особенно поражают взаимодействия слов, рождающие новые необычные смыслы.

Есть поэты, обладающие особым слухом, дающим слуховое видение мира, имеющие «слуховой зрачок» (М. Цветаева): *Слуховых верховий час: когда в уши нам мир — как в очи*. На первый план выдвигает звук, который становится у нее осмысленным, способным выражать духовную сущность: *Звук... больше слова, и шум (пустой) больше звука, — потому что в нем все* [5. С. 383]. В этом тоже ее иррациональное, необъяснимое начало.

Вероятно, особую поэтическую энергию порождает еще синкретизм слова (звука) и музыки. Поэтическое вдохновение как особый тип энергии рассматривали В. Гумбольдт, А. Потебня, а из поэтов — Н. Гумилев, считавший эту энергию светоносной: *И вспыхнет радуга созвучий / Над царством вечной пустоты*.

В «Поэме Воздуха» М. Цветаева энергетически аккумулирует в слове энергию четвертого измерения. Она как бы воссоединяется со звуковой энергией Космоса...

Мы отстаиваем энергийное видение поэтической реальности, потому что над поэтическим словом, говоря словами Поля Рикера, «витают венчик невыразимого». О. Мандельштам писал: «Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещь, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела». Отсюда таинственность поэтического слова.

О силе слова писал прот. С. Булгаков, который считал, что эта сила «не определяется только смыслом или содержанием формулы, которая имела бы, самое большее, значение пожелания, мысли, настроения, но не имела бы власти» [2. С. 233]. Но именно само слово имеет власть, и власть эта «дается благодаря тому, что слово является не только смыслом, но и вместилищем энергии, орудием, проводником» [2. С. 233]. Естественно, что это, по утверждению Булгакова, нужно «понимать не лингвистически, что было бы просто бессмысленно, но мистически» [2. С. 313].

Как известно, древнейший склад ума был ясновидческим, мифологическим, колдовским, только в греко-латинский период на первое место выходит логическое рассуждение. И в России есть поэты, которые изображают мир вполне реалистично. Это лирика А. Толстого, А. Майкова, Я. Полонского, В. Брюсова, Н. Гумилева. Но есть поэты, способные увидеть непонятный и страшный мир. Эти поэты тяготеют к той или иной форме мистического поиска: А. Блока подпитывала мистика, М. Волошина интересовала теософия, Вяч. Иванова — эзотерические знания, в творчество Ф. Сологуба вошли навьи и т.д. Таким образом, в России всегда были поэты, которые осмеливаются войти в глубь души и увидеть там бездну. Это Ф. Тютчев, А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и др.

Стремлением заглянуть в этот мир характеризуется и XIX в. Например, в немецкой литературе Гофман и Гете возрождают мифологические представления своего народа. О гетевском «Лесном царе» М. Цветаева пишет: «Есть вещи страшнее, чем искусство».

Почти всегда ставка на все неясное и непонятное делает человека пленником «бездны», игрушкой всего иррационального. Но бывают исключения из этого. Так, М. Лермонтов, создавший поэму «Демон», сам в его существование не верил: демон был для него сказкой, символом, образом. Но не таков А. Блок, в поэзию которого сначала вторгаются чертенята, «болотные попики», колдуны, потом появляется некто «темноликий», который приходит к поэту в часы сумерек и томит его страхом предчувствий. Потом появляется загадочный Христос в образе «девушки с бородой». Он создает цикл стихотворений «Пузыри земли», поэму «Ночная фиалка» и др., в которых много необъяснимого с точки зрения логики здравого смысла.

Начало XX в. особо располагает к поиску таинственного. Поэты понимают, что область, доступная сознанию, не велика: нашему разуму подвластна лишь маленькая часть мира, которую человек может понять и объяснить.

Но даже если не затрагивать мистической стороны поэзии, то все равно поэтический текст связан со стихийными душевными импульсами. Это текст, в котором отражена идея первичности и божественного смысла чувственного опыта в познании мира, такой текст создается не по законам рассудочной деятельности.

Поэты давно осознали особую роль слова, его магичность и всемогущество, боготворили его, доказательством чему могут служить слова крупнейшего современного филолога и философа С. Аверинцева: «Мы молимся тебе — Слово, изначально сущее у Бога».

Человек получил от Бога возможность творить посредством слова. Всякое слово сакрально, в русском слове также заложено сокровенное знание о Боге: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1: 1-3). Святитель Лука (профессор медицины Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 .: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след. Слово — это как бы “зарубка”, которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, тем самым оно заряжает энергией предмет, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово — «максимально напряженное осмысления бытия». По данным М. Маковского, лексемы *слово*, *речь*, *говорить* по происхождению связаны с такими, как *храм*, *рок*, *гореть*, *красный*, *бить*, *резать*, *связывать*, *брать в плен*, *крутить* [3].

Слово живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия — или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. Особенно это касается слова молитвы и поэтического слова.

Д.С. Лихачев писал, что слово в поэзии нагружено «широким и разнообразным объемом», имеет «ассоциативную ауру», особый «сверхсмысл»; в поэтическом тексте важен не весь объем значения, а «нечто», извлекаемое из объема и ауры. Это «нечто» возникает в контексте, и тогда над контекстом возникает какое-то слабо уловимое мелькание значений, эмоций, ассоциаций — особый сверхсмысл.

Лишь поэтам и мистикам открывается сокровенный смысл в обычных вещах. Такова Марина Цветаева, у которой мы видим чудом сохраненные остатки древнего суремечного ясновидения, явленные в ее творчестве. Не случайно она писала: «Стихи сбываются. Поэтому не все пишу».

Пророческий дар отмечается у многих русских поэтов. Сивиллами и Кассандрами были великие поэты — А. Ахматова и М. Цветаева. О. Мандельштам так и говорил А. Ахматовой: «Кассандра!» М. Цветаева и саму себя, и ее называла чернокнижницами. Н. Гумилев писал: «Из логова Змиева, из города Киева я взял не жену, а колдунью».

Что усиливает энергию поэтического слова? Думается, прежде всего — это особый ритм. По Л. Гумилеву, существует этническое поле, которое имеет присущий только ему ритм. Этот ритм задает пассионарность, которая есть «биохимическая энергия живого вещества биосферы», она также активно формирует и национальный характер, и характер национальной поэзии. Интенсивность цветаевского ритма — основа энергетики стиха: Здесь нарастание ритма, взмах вверх, подъем — и все теряется в запредельности: *На рояле играл? Сквозит. Дует. Парусом ходит. Ватой пальцы. Лист сонатинный взвит...* (Попытка комнаты). Стихии и страсти рвутся наружу, ясновидящий экстаз.

Возносящаяся мысль в «Поэме Воздуха» переходит в звуковую вибрацию, т.е. тончайшую энергию. Эта поэма — акт ясновидения, выхода Я лирической героини в другие формы бытия, из нашего поля пространства и времени. Многим ее стихам также свойственен мистико-сомнамбулический ход:

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу,
Да разве я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте
Знать буду, как только умолкну?

(II, 131) [4].

Ее лирика зачастую — спонтанное течение сознания, восприятия жизни как непрестанно чередующихся образов и впечатлений, образующее некий «поток» на основе человеческих импульсов и инстинктов:

Вот: слышится — а слов не слышу,
Вот: близится — и тьмится вдруг...

(I, 135)

Она поэт провидец, поэт-пророк:

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

(I, 94)

По Цветаевой, «состояние творчества есть состояние наваждения», именно поэтому *Поэта — далеко заводит речь*. Поэт для нее сначала воплощался в об-

разе легкого огня и птицы Феникс, а позже — в образе непредугаданной календарем кометы, через взрыв и взлом:

Ибо пут комет —
Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаётся! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.

(II, 184)

Таким образом, поэтическое слово обладает и энергией Космоса, и мистической энергией, которую хотя и невозможно исследовать методами современной науки, но она существует. Поэтическое слово имеет особый способ организации, напоминающую спираль, вкручивающую в себя и ритм, и смысл, и особую музыку стиха, а сама спираль — это ступок концентрации энергии духа

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бродский И.* О Марине Цветаевой // Новый мир. 1991, №2.
- [2] *Булгаков С.*, прот. *Философия имени* / прот. С. Булгаков. СПб. : Наука, 1998. 448 с.
- [3] *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
- [4] *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. / сост. А. Саакянц и Л. Мнухин. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1994—1997. С. 250.
- [5] *Цветаева М.* Об искусстве. М., 1991.
- [6] *Шведова Н.Ю.* Об активных потенциях, заключенных в слове. М., 1984.

THE ENERGY OF POETIC WORDS: MYTH OR REALITY?

Maslova Valentina A.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovsky prospect, 33, Vitebsk, Belarus, 210038

The article is aimed at showing that the poetic words may have a special energy, a special mystical power. Poetic words are like a spiral, screwed into a rhythm and meaning, and a special music of the verse.

Key words: poetic words, spiritual energy, suggestion, passionarity.

REFERENCES

- [1] *Brodskij I.* *O Marine Cvetaevoj* [About Marina Cvetaeva]. *Novyj mir — [New world]*. 1991, № 2.
- [2] *Bulgakov S.*, prot. *Filosofija imeni* [Philosophy of name] / prot. S. Bulgakov. SPb. : Nauka Publ., 1998. 448 p.
- [3] *Makovskij M.M.* *Udivitel'nyj mir slov i znachenij*. [The wonderful world of words and meanings]. М., 1989.
- [4] *Cvetaeva M.* *Sobranie sochinenij: V 7 t.* / Sost. A. Saakjanc i L. Mnuhin. Т. 1. [Collected works in seven volumes. V. 1]. М.: Jellis Lak, 1994—1997.
- [5] *Cvetaeva M.* *Ob iskusstve*. [About Art]. М., 1991.
- [6] *Shvedova N.Ju.* *Ob aktivnyh potencijah, zakljuchennyh v slove* [Active potencies in the word] // *Слово в грамматике и словаре. Slovo v grammatike i slovare.* — [Word in the grammar and vocabulary]. М., 1984.